

ДЖАТАКА О ВИШВАНТАРЕ

Низкие душой неспособны даже возрадоваться благу, содеянному Бодхисаттвой, а тем более поступать так же, как он.

Вот как об этом назидательно повествуется. У шибийцев был царь по имени Санджая; он укротил и совершенно подчинил себе все чувства и благодаря своей доблести, житейской мудрости и скромности был победоносен и счастлив; благодаря постоянно проявляемому им строгому почтению к старшим он постиг истинный смысл трех Вед и логики; его справедливое управление и суд высоко восхвалялись преданным ему народом, который с усердием относился к своим обычным делам и наслаждался безмятежным спокойствием и счастьем. Так он жил, как надлежало жить царю.

1. И так как он преуспевал в высоких добродетелях, любовью привязана была к нему, как верная жена, сама богиня счастья царского; и сделалась богиня недоступной даже для помышлений всех других царей, как львом хранимое убежище для всех других животных.

2. Все, кто с великим напряжением науке иль искусству отдавался иль подвигам суровым, к нему всегда являлись и, обнаружив в испытании свои таланты, почтение и уважение его встречали.

Сын его, по имени Вишвантара, следующий за ним по высокому положению, но не уступавший ему по великому числу высоких качеств, был назначен наследником.

3. Хоть юн был он, но привлекал своим спокойствием он всех, как старец, и, пылким будучи, был склонен по своей природе к кротости; украшенный познаниями, в своей учености высокомерным не был; богато одаренный красотой, он все же был свободен от тщеславья.

4. Когда по странам всем распространилась весть о добродетелях его и славою его наполнилась миров триада¹, то места не было нигде для слабой, бледной славы других царей; казалось, она не смела даже показаться.

5. Не в силах вынести страданий, охвативших мир, вооружившись огромным луком состраданья, он, казалось, выступил на страшный бой, разя их градом стрел - своих даяний.

Он ежедневно доставлял великие радости нуждающимся, которые приходили к нему с просьбами, раздавая с великою охотой различные вещи, в размере большем, чем просили, сопровождая свои даяния приятными речами и привлекающим сердца учтивым обхождением.

В дни парван² он, блистая строгим исполнением поста и соблюдением покоя, омыв свою голову и обвязав ее белой льняной тканью, взойдя на прекрасного и лучшего из всех слонов слона, отлично выезженного, подобного вершине Гималаев, украшенного мадой, струившейся по голове, обладавшего к тому же счастливыми приметам, прекрасным воспитанием, быстротою и решительностью, осматривал свои рассеянные по всему городу благотворительные дома, которые были как бы водоемом, утолявшим жажду бедных. От этого он испытывал великую радость.

6. Богатство, в доме находясь, не доставляет щедрому и милосердному той радости великой, какую даст оно же, розданное бедным.

И вот однажды, когда бедняки-просители, сердца которых были исполнены радостью, разнесли славу о столь великой его щедрости, один царь, царство которого лежало по соседству с его землей, решив, что царевича можно обмануть, воспользовавшись его чрезвычайным увлечением щедростью, послал к нему брахманов, чтобы увести его лучшего слона. Когда Вишвантара осматривал свои благотворительные дома и очи его и лик сияли от радости, те брахманы,

произнося благословения, предстали перед ним, воздев к нему руки. Тогда он, остановив прекрасного слона, приветствуя учтиво брахманов, обратился к ним с вопросом о причине их появления: «Благоволите сказать, какое дело привело вас?». Брахманы сказали:

7. «Прекрасные достоинства вот этого слона, столь величавого, прекрасного в движениях, а также слава щедрости твоей заставили нас с просьбою к тебе явиться:

8. Даруй нам этого слона, подобного горе Кайласа³, и этим преисполнишь ты сердца людей глубоким изумленьем».

Услышав это обращение, Бодхисаттва, сердце которого преисполнилось радостью, так стал размышлять: «Наконец-то я вижу просителей, способных желать истинно ценное. Однако, что пользы этим брахманам от подобного царственного слона? Ясно, что это жалкие козни какого-нибудь государя, ум которого полон жадности, зависти и ненависти.

9. О, да не будет опечален крушением своих надежд тот царь, который, праведность презрев и славу добрую, однако же, как друг старается для нас!» 4.

Подумав так, Великосущный, поспешно сойдя с прекрасного слона, сказал тем брахманам: «Благоволите взять!» - и стал пред ними с поднятым золотым кувшином .

10. Тогда, хотя он знал науку житейской мудрости, которая считает, что должно следовать дорогой праведности лишь постольку, поскольку это к выгоде нам служит, он, праведности преданный, отдал царя слонов, не дрогнув даже от нарушенья правил мудрости житейской.

11. Отдав того царя-слона, украшенного дивной сеткой золотом, подобного громаде туч осенних, обвитых молнией, царевич радостью великою проникся; а горожане, руководствуясь лишь мудростью житейской, возмутились.

И вот, когда распространился слух о том, что царевич отдал царственного слона, в шибийцах поднялись гнев и злоба; почтенные брахманы, министры, воины и городские старейшины с криками и шумом приблизились к царю Санджае и, возбужденные недовольством и гневом, пренебрегая даже соблюдением надлежащего почтения, сказали: «Зачем ты допускаешь, царь, чтобы так губили богатства государства? Государь не должен забывать, что это создает опасность для его царства».- «В чем дело?»-взволнованно обратился к ним царь. И в ответ они сказали так:

«Да разве государь не знает, что случилось?»

12. Тот слон, вокруг которого поет рой опьяневших пчел, вся голова которого благоухает мадой, и ветер, ароматом насладившись, без напряженья, без труда сметает спесь, тщеславие других слонов,

13. Который своей мощью превосходит силу войск врагов твоих и словно усыпляет гордость их, тот слон твой, воплощение победы,- Вишвантарою отдан и уводится теперь в чужое царство.

14. Коровы, золото, одежды, пища - вот чем прилично одарять брахманов, царь. Отдать царя слонов, в котором верный есть залог и счастья, и победы,- ведь эта щедрость слишком уж необычайна!

15. Раз удаляется царевич так с пути державной мудрости, то как его найдет богиня счастья? Здесь снисхождение неуместно, государь: ведь это лишь обрадует врагов!».

Выслушав эти слова, царь, из любви к сыну не особенно расположенный к своим советникам, все же принял во внимание все это дело и поспешно сказал: «Да, вы правы»,- и, стараясь их

успокоить, он с такою речью обратился к шибийцам: «Я знаю эту излишне страстную склонность Вишвантары к щедрости, которая заставляет его забывать путь государственной мудрости; подобный образ действия не приличествует лицу, предназначенному занять первое место в царстве. Однако, как и извергнутую пищу, кто теперь может взять обратно отданного им слона? Впредь же я устрою так, чтобы Вишвантара знал меру в щедрости. Поэтому довольно гневаться».

Шибийцы же сказали:

«О нет, государь, одним лишь порицанием за это дело ты не исправишь Вишвантару».

Санджая сказал: «Так что же еще я могу сделать?»

16. К порочным действиям питает отвращенье он, а к добродетелям привязанность его вам представляется пороком. Что ж может быть возмездием достойным сыну моему за то, что отдал он слона,- тюрьма ли, казнь ли смертная?

Поэтому довольно гневаться; впредь я буду удерживать Вишвантару».

Тогда шибийцы, придя в бешенство, сказали царю:

17. «Кто стал бы одобрять казнь смертную, иль наказанье заточеньем, иль порку сына твоего, о повелитель? Однако ж он, весь погруженный в исполнение святого долга, не подходит - по мягкости и состраданию своему - нести столь тяжкий груз - правление царством.

18. Ведь трон царским те владеют, кто доблестью своей прославились, искусные в служении трем целям,- а царевич добродетели столь предан, что забывает о житейской мудрости; он более подходит для жительствова в лесу.

19. Известно нам, ведь недостатки дурного управления царей их подданным свои плоды приносят; для подданных они терпимы, как это наблюдалось не раз,- но для царей губительны и подрывают корни власти.

20. Зачем тут много говорить? Вот твердое решение шибийцев - ведь вынести они бы не смогли погубили твоей: уйти царевич должен на гору Банка, в область сиддхов⁷, чтоб в подвигах высоких преуспеть».

Народ так грубо обратился к царю вследствие привязанности, любви и доверия к нему, опасаясь гибельных последствий дурного управления и радея о его же благе, и царь, смущенный гневом подданных, опустил глаза долу и с сердцем, полным мыслей о разлуке с сыном, тяжело вздохнув, сказал шибийцам: «Если вы настаиваете на этом, то благоволите дать ему времени хоть одни сутки: завтра на рассвете Вишвантара исполнит вам угодное».- «Да будет так!» -

ответили с удовлетворением шибийцы. И царь обратился к слуге: «Пойди, поведай обо всем Вишвантаре». Тот ответил почтительным поклоном и, обливая лицо скорбными слезами, явился к Вишвантаре, который находился в своем дворце. Громко рыдая в порыве печали и страдания, он упал к его ногам. «Здорова ли царская семья?» - в волнении обратился к нему с вопросом Вишвантара, и слуга, в отчаянии, с трудом произнося слова и даже слоги, сказал: «В царском семействе все благополучно».- «Так почему же ты в таком волнении?» - снова спросил Вишвантара слугу. Тот, заикаясь, так как подступивший ком слез сдавил ему горло, и лепеча слова медленно из-за прерывающегося дыхания, промолвил так:

21. «Не слушаясь царева приказания, которое им выражено было в ласковых словах, шибийцы недостойные в жестоком гневе тебя из царства изгоняют, царь».

Вишвантара сказал: «Меня шибийцы изгоняют, прогневавшись? Что это значит?»

22. Не испытал я наслажденья, отклонившись от пути смиренья, беспечность к долгу ненавижу я: за что ж прогневались шибийцы? Не помню, чтобы я свершил дурной поступок!». Слуга сказал: «За твое необычайное благородство.

23. Меж тем как удовлетворение твое всегда блистало бескорыстием, в сердцах просителей оно корыстью загрязнилось, и вот, когда тобой, высокий повелитель, был отдан царь слонов, то гнев спокойствие и мудрость у шибийцев отнял.

24. Итак, шибийцы наглые, забывшись, велят тебе идти путем, которым все изгнанники уходят».

И вот Бодхисаттва обратился к слуге со словами, в которых раскрывалась его глубокая любовь к просящим, возвышенная состраданием, а также его неистощимая стойкость:

«О, как непостоянны шибийцы по своей природе, и как же мало известен им мой характер!»

25. Как можно говорить о внешних нам вещах? Готов отдать я голову свою и очи. Для блага мира лишь ношу и это тело, что ж говорить тут об одежде и животных?»

26. Того, кто жаждет даже своим телом почтить слова просящих, решили запутать они, чтоб не давал даров. Как ярко в этом видно ребяческое легкомыслие шибийцев!

27. О, пусть меня шибийцы все отсюда изгоняют или убивают, я все же буду продолжать творить даянья и с этой мыслью в лес отшельников иду».

Тогда Бодхисаттва обратился к своей супруге, лицо которой выражало сильнейший испуг от тяжелой вести: «Слышала ли ты решение шибийцев?». Мадри сказала: «Да, я слыхала, государь».

Вишвантара сказал:

28. «Все, сколько есть у нас имущества, полученного ли тобою от меня, иль родового твоего, все то имущество ты собери, о безупречноокая».

Мадри спросила: «Куда его сложить мне?». Вишвантара ответил:

29. «Всегда давай даянья благонравным, и ласковость пусть дар твой украшает. Так помещенное имущество не гибнет и следует за нами.

30. Приятное твори свекрови, свекру и за обоими смотри детьми, блюди ты праведность, не забывай о долге и не скорби со мной в разлуке».

Услышав это, Мадри, хоть и горело ее сердце от страданий, чтоб не нарушить душевную стойкость супруга, скрыла свою жестокою тоску и скорбь и так сказала ему:

31. «Несправедливо то, великий государь, что в лес один уйти ты хочешь: каким путем ты, царь, пойдешь, таким путем и я пойду с тобою.

32. Когда я около тебя, мне даже смерть, как праздник, и хуже смерти жить здесь без тебя.

К тому ж, о государь, мне жизнь в лесу не кажется несчастьем. Подумать только:

33. В лесной глуши, вдали от злых людей, где речки чистые струятся меж деревьев, полно газелей, слышно пенье птиц, земля покрыта прекраснейшим ковром травы, как изумруд, зеленой,- насколько ж там приятнее, чем в наших пригородных рощах!

Кроме того, государь,

34. Взирая на своих малюток, украшенных одеждой и венками, играющих в кустах лесных, не будешь вспоминать о царстве.

35. Увеселять тебя в лесу там будут заросли растений, что свесились беседками над ручейками с чистою водой; лесная их краса, что обновляется весною каждою, всегда нова, юна.

36. И пенье стройное там раздается хора разноголосых птиц, тоскующих по наслаждениям любви; павлинов танцы можно видеть, обученных учителем великим - сладострастьем.

37. Там нежное, которого послушаться не можешь, жужжанье пчел, сок сладкий пьющих; согласное их пенье будет твое сердце веселить в лесу.

38. А ночью скалы там, одетые сияньем месяца, сверкают, словно в платьях из дукулы⁸; там веет нежный ветерок лесной, забравший ароматы у деревьев и цветов.

39. А нежное журчанье речек, бегущих, спотыкаясь, по беспокойным камешкам! Их звуки так похожи на женских украшений звон и будут радовать твое там сердце!».

Так, ободренный милою женой царевич, стремясь скорее уйти в лес, заботясь о бедняках, приступил к богатой и щедрой раздаче даров. Когда весть об изгнании Вишвантары дошла до царской семьи, там поднялась тревога, вопли и рыдания. И, словно вне себя от скорби, горя и волнения, толпа бедняков, как пьяная или безумная, в смятенье испускала вопли различных жалоб:

40. «О, если мать-земля не устыдится топоров, которым дали позволение срубить тенистое то древо, дающее столь сладкие плоды, то ясно будет, что она лишилась рассудка.

41. Ведь если нет того, кто б мог остановить стремящихся разрушить водоем с водой холодной, чистою, приятной, увы, тогда ведь зря богов-мирохранителей⁹ так называют! Тогда их нет иль это слово - один лишь звук пустой!

42. Несправедливость бодрствует, а справедливость спит иль умерла, когда царевича Вишвантару из царства изгоняют!

43. О, кто способен столь искусно свергнуть нас в несчастье, невинных, в мольбах влачащих жалкое существованье? Жестокий, кто стремится погубить нас?».

Тогда Бодхисаттва роздал нуждающимся все свое имущество, все, что было в его полной сокровищнице: драгоценные камни, золото, серебро, ценностью в несколько сот тысяч, горы разных вещей, все, что было в амбарах и житницах,- различное добро, зерно, а также рабынь, рабов, колесницы, упряжных животных, утварь и прочее,- все это распределил он соответственно потребностям каждого и, с глубочайшим почтением поклонившись отцу с матерью, душевная твердость которых была глубоко потрясена скорбью и мукой, вместе с женой и детьми сев на прекрасную колесницу, сопровождаемый пожеланиями счастья, покинул столицу при громких воплях большой толпы народа. С большим трудом ему удалось убедить вернуться обратно глубоко преданных и следовавших за ним людей, опечаленные лица которых были мокры от слез; после этого он сам взял вожжи и поехал дорогою, ведущею на гору Ванка. В ясном спокойствии духа миновал он окрестности столицы, увенчанные прекрасными увеселительными садами и

рощами; постепенно ему стали попадаться отдельные тенистый деревья; люди стали встречаться все реже и реже; вот уже можно было видеть большие стада антилоп, бродящих в отдалении; наконец, он достиг леса, который весь был наполнен громким стрекотанием цикад. Там неожиданно приблизились к нему брахманы и стали просить коней, запряженных в колесницу.

44. Хотя ему и долгий путь во много йоджан¹⁰ предстоял, к тому ж с супругой и с детьми, без всякой помощи, он все ж от радости даянье сотворить, не думая о будущем, отдал дважды рожденным четырех коней.

И между тем как Бодхисаттва хотел уже сам запрячься в колесницу и покрепче затягивал свой пояс, появились четверо юношей-якшей под видом чудных красноватых антилоп и, словно прекрасно выезженные лошади, сами подставили свои плечи под ярмо колесницы. Увидев их, Бодхисаттва обратился к Мадри, глаза которой были широко раскрыты от изумления и радости:

45. «Взгляни, каков избыток сил святых в лесах, украшенных подвижников великих жительством, где их сердечное радушие к пришельцам пустило корни даже и среди чудеснейших животных диких».

Мадри сказала:

46. «Я думаю, что это лишь твоя сверхчеловеческая сила: ведь и у праведных, поднявшихся высоко в добродетелях своих, не одинакова бывает степень высоты их.

47. Ведь если ночью лотоса улыбка прекраснее, чем отраженье дивных звезд в воде, тому причина - месяца лучи, протянутые, словно пальцы в любопытстве».

Меж тем как они продвигались вперед, проникнутые взаимною любовью, и вели такую приятную беседу, к ним приблизился другой брахман и попросил у Бодхисаттвы его прекрасную колесницу.

48. Тогда царевич, равнодушный к личным наслаждениям, но родственник заботливый для тех, кто с просьбой обращается к нему, желанье брахмана исполнив, отдал колесницу.

И вот Бодхисаттва, с сердечной радостью сойдя с прекрасной колесницы и высадив своих близких, передал ее брахману, а сам с сыном Джалином на руках пошел дальше по дороге пешком; и Мадри, тоже ничуть не пав духом, с дочерью Кришнаджиной на руках шла за ним следом.

49. И, наклоня кончики ветвей с прекрасными плодами, деревья, казалось, приглашали его к себе, как будто во внимание к великой силе его заслуг склонялись перед ним в почтении ученики.

50. Когда он захотел воды, тотчас же перед ним явились водоемы; на их поверхности виднелась золотистая и белая пыльца тычинок; там колебали лебеди крылами лотосов цветы.

51. Прекрасный полог устроили тут облака; приятный, ароматный веял ветерок; а якши сократили путь, не вынеся его страданий от усталости великой. Так Бодхисаттва, как будто выйдя вместе с детьми и супругою на прогулку в сад, испытал наслаждение и удовольствие от ходьбы пешком и не вкусив горечи изнеможенья, увидел наконец гору Ванка.

По дороге, указанной ему обитателями леса, он проник в лес отшельников, который был полон разнообразных чудесных деревьев с нежной гладкой корой, украшенных цветами побегами и плодами. Опьяненные любовным упоением, птицы оглашали лес своим пением и криками; в нем красовались стаи танцующих павлинов; много стад газелей бродило тут; словно прекрасным поясом, лес был окружен рекою с чистой и глубокой водой; там дул приятный ветерок, несущий золотистую цветочную пыльцу. Там в уединении стояла хижина из листьев, построенная по

повеленью Шакры самим Вишвакарманом¹¹, прекрасная на вид, приятная во все времена года войдя в нее, царевич поселился там.

52. И в том лесу, лелеемый любимую супругой, слух услаждая беззаботным милым лепетом детей, он, словно находясь в приятнейшем саду и думать позабыв о царстве, в суровых подвигах прожил полгода.

И вот однажды, когда царевна ушла в лес за кореньями и плодами, царевич же для присмотра за детьми находился возле дома, в эту местность пришел брахман. Его ноги по самые щиколотки были загрязнены дорожною пылью, лицо исхудало и глаза ввалились от изнурения; на плече у него была палка, к которой был привязан, свешиваясь вниз, сосуд с водою; жена послала его со строгим приказаньем привести какого-нибудь слугу. Когда Бодхисаттва, долгое время [не имевший случая проявить щедрость], увидел пришедшего к нему просителя, от глубокой радости умиление разлилось по его лицу и засияло в глазах. Выйдя навстречу брахману, он приветствовал его словами «добро пожаловать» и другими приятными речами и пригласил зайти к нему в обитель; потом, почтив, как подобает, гостя, он обратился к нему с вопросом о причине его прибытия. И вот брахман, который из любви к жене утратил всякий стыд и разум, думая только о том, чтоб получить желанный дар, сказал ему приблизительно следующее:

53. «Идут там люди, где есть свет и ровная дорога, а не путем, препятствий полным; но в этом мире, погрязшем в мраке себялюбья, не может моя просьба иметь другое выраженье.

54. Блеском славы, рожденной щедростью твоей великой, известен ты повсюду, как и должно быть; поэтому хоть тяжело мне обращаться с просьбою к тебе, все ж я пришел сюда: отдай мне в услуженье своих детей!».

Услышав это, великосущный Бодхисаттва,

55. Давно привыкнув к удовольствию творить даянья и не умея отказать, ответил с радостью: «Я дам тебе детей любимых».

«Благословение да будет над тобой! Но что же ты медлишь?» - так обратился к нему брахман, и великосущный Бодхисаттва, сердце которого, смятенное любовью, замирало, меж тем как у детей от изумления все помутилось в глазах, когда услышали они, что их отдают, сказал:

56. «Тебе детей я этих отдал; однако мать их в лес ушла набрать кореньев и плодов; сегодня ж вечером она вернется.

57. Пускай она на них еще раз взглянет, их приласкает и гирляндами украсит. Одну здесь ночь ты отдохни, а завтра уведешь моих детей с собою».

Брахман сказал: «О господин! Не настаивай на этом.

58. Недаром женщину зовут прекрасной супротивницей¹²:

она препятствием ведь может стать к даянью; поэтому не хочется мне оставаться здесь».

Бодхисаттва сказал: «О, не беспокойся, что она будет удерживать меня от даяния! Моя жена вместе со мною строго блюдет закон, но как угодно твоей милости. Кроме того, о великий брахман,

59. Какую радость могут дать тебе рабы такие? Они изнежены и юны и не привычны к услуженью.

60. Меж тем их дед, шибийский царь, увидев их в подобном положении, конечно, даст за них богатый выкуп, какой бы ты ни пожелал.

61. Поэтому благоволи их отвести отсюда прямо в царство деда. Таким путем достигнешь ты великого богатства и в то же время так святой закон исполнишь».

Брахман сказал: «Нет, я не отважусь приблизиться к царю со столь неприятным подношением; уж лучше буду я держаться от него подальше, как люди, что обходят ядовитых змей.

62. Царь может их обоих у меня отнять, а то и наказание наложит, поэтому как слуг я поведу их прямо к своей супруге».

Тогда Бодхисаттва промолвил: «Как будет угодно!» - и, не закончив это слово, стал ласково наставлять малюток с кротостью принять свои обязанности слуг, а затем наклонил над протянутой для принятия [дара] рукой брахмана свой сосуд с водой.

63. И от волнения его вода сама пролилась из сосуда, а также слезы из очей его, подобных лотоса багряным лепесткам.

Брахман же, возбужденный радостью от своего успеха, спеша увести детей Бодхисаттвы, скороговоркою произнес слова благословения, суровым и повелительным голосом обратился к детям: «Ну, идите же!» - и стал уводить их из хижины; и вот дети, сердца которых разрывались от невыносимо тягостного горя разлуки, склонившись к отцу и заливаясь слезами, обратились к нему с такую речью:

64. «О отец! Ушла ведь наша мама, а ты отдать нас хочешь. Не отдавай же нас, пока ее мы не увидим!».

Тогда брахман подумал: «Мать их скоро вернется, да и он, пожалуй, станет раскаиваться из-за любви к детям». Так поразмыслив, он связал им руки лианой, словно пучок лотосов, и, видя их сопротивление, пригрозив им, потащил за собою этих юных детей, оглядывающихся на отца. И вот девочка Кришнаджина, на которую никогда еще прежде не обрушивалось горе, громко рыдая, сказала отцу:

65. «Отец, ведь этот брахман безжалостный меня лианой бьет. Нет, он не брахман, это ясно! Известно мне, что брахманы благочестивы.

66. Ведь это якша под личиной брахмана; конечно, тащит нас он, чтоб пожрать. Зачем ты равнодушно смотришь, отец, как нас уводит этот пишача ужасный?».

Тогда мальчик Джалин, тоскуя по матери, так сказал:

67. «Не так мне больно то, что бьет меня дважды рожденный этот, как то, что мамы я сегодня не видал. О, это так меня терзает!

68. Конечно, мама долго будет плакать в опустевшей хижине лесной и тосковать о детях, бедная, как чатака¹³, детей которой погубили.

69. Для нас ведь наберет она в лесу кореньев и плодов так много. Что же будет с мамой, когда она увидит лесную пустынь опустевшей?

70. Какие есть у нас лошадки, слоники, тележки,- отдай ты непременно половину маме, чтоб горе тем ее утешить.

71. Так передай же ей от нас почтительный привет и всячески удерживай ее от скорби; ведь трудно будет нам, отец, с тобою встретиться иль с нею.

72. Идем же, Кришна, и умрем! Какая польза нам теперь от жизни? Мы отданы царем брахману, жадному до денег».

Таковы были его слова, и они ушли.

Тогда Бодхисаттва, хотя вся его душа была потрясена этим жалостным лепетом его детей, при мысли: «Кто же, отдав, будет раскаиваться?» - остался сидеть на том же месте, хотя его сердце жгло неугасимое пламя скорби; его сознание остановилось, словно парализованное ядом. Когда подувший прохладный ветерок вернул ему сознание, он посмотрел на свое лесное жилище, где уже не было детей и которое словно замерло в молчании, и рыдания прервали его дыхание. Потом он сказал сам себе:

73. «Как он не постыдился у меня перед глазами мучить мое сердце, которому название дети! Позор тому брахману, стыд потерявшему!

74. Пешком, босые, по нежности своей не в состоянии вынести усталость, как путь они пройдут и как работать в услуженье будут?

75. От утомления измучатся они в дороге - кто успокоит их сегодня? Терзаясь от горя, холода и жажды, к кому пойдут они и обратятся с просьбой?

76. И если так ужасно мое страдание, хоть я стремлюсь достичь покоя мысли, то каково же состояние моих малюток, здесь возросших в неге?!

77. О, огонь разлуки с милыми детьми словно сжигает мое сердце! Однако кто из добрых, помня о благом законе, потом раскаиваться будет?».

Между тем Мадри чрезвычайно взволновали и расстроили различные неблагоприятные предзнаменования, предвещавшие что-то ужасное, и она хотела как можно скорее вернуться домой с собранными плодами и кореньями, но дорогу ей преградил хищный зверь, и поэтому она очень поздно пришла домой. Не видя детей ни там, где они обычно встречали ее, ни на площадке для игр, она еще больше обеспокоилась.

78. И в волнении, опасаясь чего-то страшного, она вокруг кидала взоры в поисках детей; звала их долго и, не услышав ничего в ответ, снедаемая скорбью, стала горевать:

79. «Собраньем многолюдным мне казался прежде этот лес, который оглашался лепетом моих детей. Теперь, когда я их не вижу, он словно стал пустыней, где беззащитной чувствую себя. Но что же случилось с детьми?

80. Увлечшись игрой, они устали, возможно, захотели спать и спят уже, а может, заблудились в чаще леса? Иль, недовольные, что я не возвращаюсь долго, спрятались из детской шаловливости где-либо?

81. Но отчего же не щебечут птицы эти, чем-то смущенные, как если бы они свидетелями были их убийства? А может быть, они унесены рекою бурной, что гневно, дико мчит на своих конях-волнах?

О, если бы мои тревоги оказались и на этот раз напрасными! О, если бы царевич и дети были невредимы! О, если бы последствия предзнаменований, возвещавших дурное, сказались на мне самой! Но отчего же, однако, исчезла беспричинно радость моего сердца и оно словно

разрывается на части, окутанное тьмой тоски? И тело мое словно обессилело, все перепуталось в сознании, как будто весь лес колеблется, утратив вдруг свою красоту!».

Потом она, войдя в обитель и отложив в сторону коренья и плоды, которые собрала, приблизилась к супругу своему и, предварительно почтительно приветствовав его, спросила:

«А где же дети?». Но Бодхисаттва, зная слабость материнского сердца, проистекающую от любви, и не имея силы вымолвить ужасное известие, не мог сказать ей ни слова.

82. Огнем известий неприятных жечь сердца людей, приятного достойных, необычайно трудно сострадательному.

Тогда Мадри подумала: «Все ясно; беда случилась с моими детьми, и потому он так молчалив, убитый скорбью и уныньем». При этой мысли Мадри, словно лишившись разума, стала повсюду озираться и, не видя нигде в обители детей, захлебываясь слезами, снова обратилась к супругу:

83. «Детей не вижу я, и ты мне ничего не говоришь. Погибла, верно, я, несчастная! О неприятном ведь не говорят!».

Так сказав, она с сердцем, охваченным огнем скорби, упала на землю, как подсеченная лиана. Когда она падала, Бодхисаттва подхватил ее, подвел к ложу из трав, брызнул холодной водой ей в лицо и, когда к ней вернулось сознание, сказал, пытаясь ее утешить:

84. «Печальное известие тебе сказать внезапно, Мадри, не хотел я. Ведь в сердце, слабом от любви, нельзя предполагать спокойствие и твердость.

85. Старостью и бедностью измученный, сюда явился брахман, и отдал я ему детей; утешься же и не тоскуй напрасно.

86. Подумай обо мне, о Мадри, не о детях, не мучайся, царица! Не разрывай ты сердца моего, пронзенного, как острием стрелы, тоской о детях.

87. Как можно не отдать просящему хотя бы даже жизнь свою? Поэтому порадуйся со мною, милая, что я отдал детей».

Услышав это, Мадри, сердце которой замирало от страха, что дети погибли, теперь, узнав, что они живы, постепенно пришла в себя от слабости и скорби; чтоб поддержать стойкость своего супруга, она отерла слезы на глазах и, с изумленьем глядя на супруга, сказала:

«Ведь это чудо! Что и говорить!»

88. Теперь должны заговорить и небожителей самих сердца в высоком изумленьем, что себялюбье не нашло рожденья в сердце у тебя.

89. И небеса слагают гимн хвалебный в честь твою; в том гимне слово каждое всем ясно, каждый слог; ему могучим эхом вторят небожителей литавры; со всех сторон их звуки раздаются.

90. Как в опьяненье от восторга, земля вся в содрогание великое пришла; волнуется и грудь ее, царица гор; как молниями, озарен весь небосклон цветами золотыми, что падают с небес.

91. Оставь уныние и скорбь! Когда подашь просящему, пусть будет дух твой ясен. И, став источником для мира, ты продолжай и впредь свои даянья!».

Когда царь гор Сумеру, сияющий блеском разнообразнейших сокровищ, задрожал от сотрясения земли, Шакра, владыка богов, подумал: «Что это такое?», - и, когда он узнал от властителей миров, широко раскрывших глаза от удивления, что причиной колебания земли является великая жертва Вишвантары, пожертвовавшего своими детьми, его сердце забилося от изумления и радости. На рассвете следующего дня он явился к Вишвантаре в образе просящего брахмана. Оказав гостю знаки глубокого внимания, Бодхисаттва предложил ему вопрос о причине его прибытия; и в ответ он обратился к нему с просьбой отдать ему свою супругу:

92. «Как не иссякнут в океане воды, так добродетель щедрости не иссякает в добрых, поэтому к тебе я обращаю просьбу - благоволи отдать свою богоподобную супругу!».

С полным спокойствием и бодростью Бодхисаттва ответил ему согласием.

93. Потом, взяв Мадри левою рукою, а правую - кувшин с водою, он воду брахману на пальцы начал лить; и тем зажег огонь тоски великой в сердце Камы¹⁴.

94. Но не прогневалась Мадри, не рыдала; ведь ей была понятна вся сущность сокровенная его природы; но, пораженная невыносимой мукой, ей незнакомой прежде, она, взирая на него, как статуя прекрасная, стояла.

Увидев это, Шакра, повелитель богов, пораженный в самое сердце глубочайшим изумлением, прославляя Великосущного, обратился к нему с такою речью:

95. «О, как неизмерима пропасть между добра и зла законом! Ведь не поверит подвигу такому, кто не очистил свою душу.

96. С великой нежностью любить свою супругу и дорогих детей и все ж отдать их из самоотречения,- что может быть возвышеннее этого поступка?

97. О, без сомнения благодаря рассказам тех людей, кто восхищен твоими добродетелями, наполнятся все страны славой твоей; блеск славы всех других исчезнет, как красота других светил в сиянье ярком солнца исчезает.

98. Сему сверхчеловеческому подвигу с тобою вместе радуются якши, и гандхарвы, и наги, а также боги с Васавою во главе».

Сказав так, Шакра предстал пред ним в своем дивном сияющем виде и, открывшись, что он Шакра, обратился потом к Бодхисаттве с такими словами:

99. «Тебе я возвращаю Мадри, твою супругу: когда заходит месяц, не может лунный свет ведь оставаться!

100. И не печалься ты с детьми в разлуке; не сокрушайся о потере царства: сюда отправился уж с ними вместе твой отец; он царству даст надежного правителя, и тем правителем ты будешь».

Промолвив так, Шакра исчез.

Силою Шакры тот брахман привел детей Бодхисаттвы прямо в страну шибийцев. Тогда народ и Санджая, царь шибийцев, узнали о трудном подвиге великого милосердия Бодхисаттвы, и сердца их умилились; выкупив у брахмана детей Бодхисаттвы и примирившись с Вишвантарой, они возвратили ему царство.

[Таким образом, действия Бодхисаттвы чудесны в высшей степени. Зная это, не следует ни выражать неуважения, ни ставить им препятствий, когда эти дивные существа обратят свои мысли

на что-либо. Этот рассказ следует приводить также, рассказывая о Татхагате и наставляя к благоговейному слушанию закона.]

Примечания:

1 Триада миров - небеса, земля и промежуточное пространство, атмосфера или же, по другому толкованию, небеса, земля и низший мир, ад.

2 Парван - день изменения фазы луны, а также жертвоприношение, совершаемое в этот день.

3 Кайласа - гора в Гималаях, резиденция Шивы.

4 Часто повторяющаяся в «Гирлянде джатак», характерная для буддизма мысль, что тот, кто стремится подчинить зло, на самом деле творит добро, так как дает возможность пострадавшему проявить добродетели кротости, щедрости, милосердия.

5 «...С поднятым кувшином, золотым...» - обычай лить воду на руки служил символом завершения акта передачи собственности, например при дарении, передаче невесты жениху при бракосочетании и пр.

6 Три цели - согласно воззрениям индуизма, три основные цели или фактора жизни, которые должны находиться в равновесии: Дхарма - религия, долг, праведность; арtha - материальные интересы, богатство и кама - чувственные удовольствия. Возможно, здесь имеется ввиду другая триада - мысль, слово, действие.

7 Сиддхи - полубожества, обладающие в силу своей исключительной святости и благочестия сверхъестественными способностями.

8 Дунула - очень тонкая ткань из волокон растения того же названия.

9 Мирохранили (локалалы) - согласно буддийской мифологии, обитающие в низшем божественном мире боги - охранители четырех стран света. Из богов-охранителей индуистской мифологии (Куберы, Индры, Ямы и Варуны) в буддизме сохранился только Кубера - страж севера, часто называемый Вайшравана; три других буддийских мирохранили: Дхритараштра - страж востока, Вирудхака - страж юга и Вирупакша - страж запада.

10 Иоджана - Мера длины, около 11 км

11 Вишвакарман - мифический архитектор и художник богов.

12 Прекрасная супротивница - в оригинале непереводаемая игра слов: брахман называет женщину vata, что означает «прекрасная», но с ударением на первом слоге слово - vata означает «левый», «противоположный», «противный».

13 Чатака - Cuculus Melancholeus, пестрая индийская кукушка.

14 Кама - здесь выступает как Мара, посрамленный стойкостью Вишвантары в стремлении к щедрости.